

СТУДЁНЫМ УТРОМ ВСТАТЬ ДО СВЕТА

Андрей Галамага так и живёт, каким и представляет себя в стихах читателям. Его образ прорисован самим автором с такой основательностью, что неразделим никем и никогда. Но всё же в лирическом герое поэта, так монолитно объединённом с самим автором, открывается и главная черта, которая присуща всем нам. Автор не боится раскрывать перед читателем пламенеющие христианские чувства и едва заметное самосожаление, в котором и происходит борьба добра и зла. И в этом поединок втянуты все мы. В этих стихах сумрак, приходящий от самолюбия и самонадеянности, поглощается светом Христовым, поэтому и хочется прочитать прожитое поэтом ещё раз.

ВСЕНОЩНАЯ

Земля погружена в тяжёлый сон,
Тревожна ночь и непроглядна темень.
И снова тесный храм заполнен теми,
Кто верует, что свет – непобеждён.

Взор устремив, кто долу, кто горе,
Застыли все в недвижном ожиданье;
Весь мир притих и затаил дыханье,
Лишь теплится молитва в алтаре.

Но вот – как бы незримая черта,
Что отделяет ночь от воскресенья,
Разрушится в единое мгновенье,
И – растворятся царские врата,

Как будто бы невидимо простёр
Господь с престола руку нам навстречу.
И возгорятся восковые свечи,
И грянет тысячеголосый хор;

И хлынет необъятный свет с небес,
И разом вся вселенная проснётся,
Когда под купол трижды вознесётся:
«Христос воскрес! Воистину воскрес!»

РАССТРИГА

Как же я любил тебя, Ивановская горка;
Белый храм напротив древнего монастыря.
Сладок плод свободы, да раскаяние горько:
Что скопил – рассеял, что стяжал – растратил зря.

Слишком поздно сам себе сознался виноватым,
Что оставил стадо, как заблудшая овца.
Честным людям не достоин называться братом,
Не достоин сыном быть небесного Отца.

Грозный ангел вострубит, и разогнутся книги,
Всё, что было тайным, всё объявится на суд;
И низверженную душу падшего расстриги
Демоны в огонь неугасимый повлекут.

Но и падший может жить в последнем упованье:
Даже если в битве с духом побеждает плоть,
Может, за ничтожнейшее доброе деянье
Мне неисчислимые грехи простит Господь.

Оттого и возвращаюсь каждый раз упрямо
И стою, терзаем страхом вечного огня,
На замёрзшей паперти отринутого храма
И прошу входящих, чтоб молились за меня.

* * *

Москва. Весна конца восьмидесятых.
Тысячелетней церкви торжество.
Меня не то чтоб приняли, как брата,
Скорее, я сошёл за своего.

Я в свете богословских категорий
Был недостаточно воцерковлён,
Что, впрочем, не мешало петь мне в хоре
И даже делать доски для икон.

В то время было всё гораздо строже;
У старожиллов странный был подход,
Те с ходу отвергали по одежке
Всех, кто посмел не соблюсти дресс-код.

А я не мог понять, свои проступки,
Свои грехи безжалостно кляня,
Чем, например, девчонка в мини-юбке
Для Бога неугоднее меня.

И, поднимаясь всякий раз на клирос
Иль стоя на молитве дотемна,
Я сомневался в том, что Божья милость
Меж избранными распределена.

Я шёл к себе. Путиами непростыми.
Грешил, отчаивался, унывал.
Что ж, на ступеньку рядом со святыми
Я никогда и не претендовал.

Но верил, словно истинный ревнитель,
Сквозь разочарование и боль,
Спаситель примет всех в свою обитель
И упразднит досужий фейс-контроль.

* * *

Не тоска – а уходить пора.
Над рекою месяц звёзды удит.
Завтра будет то же, что вчера;
Это значит – ничего не будет.

Дом остыл, как ветхий монастырь,
И огонь в печи гудит, не грея.
На столе – старинная Псалтирь,
Образок Апостола Андрея;

Письма Пушкина (десятый том);
Твой забытый адрес на конверте...
Белый лист с не начатым письмом
Так и пролежит до самой смерти.

Листопад – который день подряд
Всё вокруг окутывает прахом.
Может, съездить в Сергиев Посад?
Помнишь, мне хотелось стать монахом?

Срок истёк – как видно, пожил впрок
Бывший странник в нашем мире странном.
Если вспомнишь – помолись разок
О твоём Андрее первоозванном.

* * *

Серый снег декабря, будто вор на доверии,
Точный час улучив и поклянчив взаимы,
Отобрал эйфорию осенней феерии,
Подменив на депрессию пресной зимы.

Месяц с лишком казалось, что всё только
снится мне;

Но под утро крещенского, щедрого дня
Снегири – мультипликационными птицами, –
Прошумев за окном, разбудили меня.

Дотянуть до весны или, лучше, до Троицы,
Слиться с ливнем, полощущим по площадям,
И понять, что ещё не пора успокоиться
И не самое время платить по счетам.

Всполашатся чуть свет кредиторы, но пусть они
Тщетно шлют мне вдогонку словесный портрет.
От Страстного бульвара до Оптиной Пустыни
Тополиный июль застигает мой след.

ЧЕРНОГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Полумесяц потонул в заливе,
Померцал и в глубине исчез.
До чего же ночи здесь красивы.
Чуть колышется прибрежный лес;
Ослепительно сияют звёзды,
Дышит влагой терпкая трава;
И звенит ночной прозрачный воздух,
Как натянутая тетива.
Память на случайности горазда,
В прошлое стучится наугад.
Черногорцы тут стояли насмерть
Полтысячелетия назад.
Было так, – когда незванный кто-то
В вольный край дерзал войти с огнём,
Просыпался неприступный Котор,
И святой Покров лежал на нём.
Испокон веков не имет срама
Тот народ, что верою богат;
И на месте разорённых храмов
Воскресали краше во сто крат.
Час настал, сошлись клинки из стали,
До глубокой ночи длился бой;
Огненные звёзды заблистали
И скрестились в небе над водой.
И тогда, от злобы обессилев,
В первый день Великого поста
Полумесяц потонул в заливе,
Побеждённый силою креста.